

16+

Ферима Р.Н.

Звѣрѣ рѣа

ннѣ е

из рѣ асѣ

Нѣ стѣ

Р. Н. Ферима

**Вырванные из
реальности. Часть 1**

«Написано пером»

2017

Ферима Р. Н.

Вырванные из реальности. Часть 1 / Р. Н. Ферима —
«Написано пером», 2017

ISBN 978-5-4386-1386-2

В сознании простых людей понятие «интернат» существует как нечто абстрактное. Подавляющее большинство упорно делает вид, что это их не касается. На самом же деле ребенок-сирота и его неблагополучные родители – это изначально наши соседи и знакомые. Какую боль и какие неизлечимые раны эти дети несут в себе, выливая всю накопившуюся злость в общество. Вырастая, они годами умалчивают своё прошлое... Все вырученные средства от продажи моей книги пойдут на развитие спорта в школах-интернатах для детей сирот, где когда то учился и я... Ферима Р.Н

ISBN 978-5-4386-1386-2

© Ферима Р. Н., 2017
© Написано пером, 2017

Содержание

Радиолобитель	6
Пора безупречной веры	9
ВЕРА	12
Ваня Луковка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Р.Н. Ферима
Выванные из реальности
Часть 1

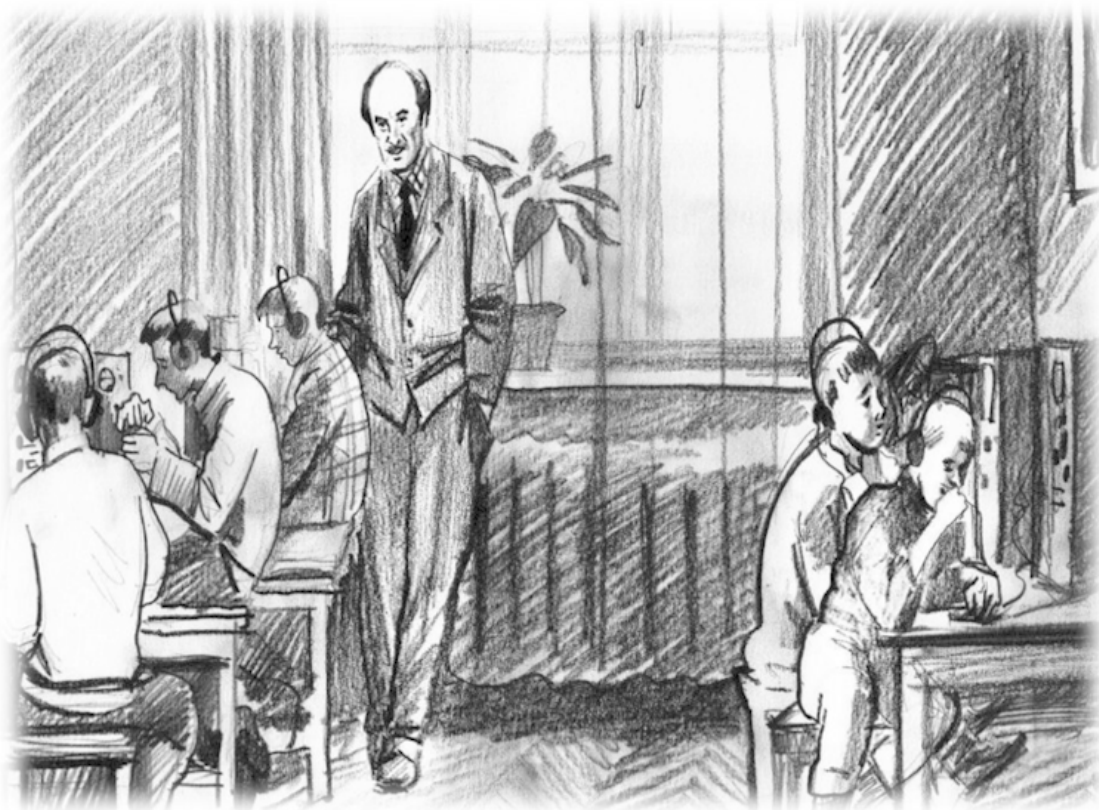
* * *

Радиоловитель

Это правдивая история о брошенном родителями мальчишке, который после долгих испытаний в больницах и детдомах попал в школу – интернат. Это реальная история о ребенке, который, как и многие другие бездомные, брошенные дети, был отлучен от дома. Дети, попавшие в такие спец учреждения как детские дома, интернаты, уже в раннем возрасте переживают тяжелую потерю. Испытав все невзгоды улицы, они долго не могут смириться с порядками и новыми правилами в школе. После подвалов, грязных лифтов и свалок, ребенка пытаются научить заправлять постель, заставляют умыться и стирать, обучают и всячески стараются донести до них правду жизни. Но, обычно, такие дети очень напоминают ёжиков, которые ко всему относятся с недоверием и опаской.

Юра Буланов был именно таким «ёжиком», который вечно ходил по школе грязным, курил уже в десятилетнем возрасте и никак не мог смириться с порядками в интернате, а особенно с потерей родителей. Его засаленные штаны, полные радиодеталей, и доброжелательная улыбка, до сих пор стоят у меня перед глазами. Каждый ребенок искал увлечения в учебе, спортивных секциях и различных кружках, Юра записался в радиокружок, а мы, еще по-детски, не понимали, зачем же ему радио. Только спустя годы стало ясно, почему изначально он выбрал именно этот кружок! Он надевал наушники и, сидя перед большим транзистором, часто набирал, пользуясь азбукой Морзе, какую-то замысловатую комбинацию, не слыша сверстников и воспитателей, уходя от жизни интерната в свой особый мир. Небольшая серая комната для радиоловителей, напоминавшая мне военные базы для шифрования из старых фильмов, вмещала около двадцати детей. Здесь с нами всегда был Виктор Борисович – один из немногих преподавателей, которого любили все, без исключения, мальчишки в интернате, и поэтому хотели ходить в его кружок. Но попадали к нему только те, кто хорошо учился, или просто одаренные дети. Юра был талантливым и всегда с фанатизмом относился ко всему, что касалось кружка радиоловителей. Он знал азбуку Морзе и лучше всех понимал, как устроено радио. Между занятиями Юра всегда смотрел в окно, сквозь слезы рисуя перед глазами картину входящих в ворота интерната родителей, которые идут забрать своих детей. Сироты просыпаются и засыпают в детдомах с этими мыслями, но родители так и не приходят за ними. Думаю, если бы перед тем, как оставить ребёнка в роддоме, матери знали, через что придется пройти этому малышу, то брошенных детей было бы гораздо меньше, но это не факт... А ребёнок, в силу своего возраста, не понимал сути происходящего и всё надеялся, что мама заберёт его навсегда, все верил, что его родители – самые лучшие на Земле.

Тепло, которое брошенные дети помнят еще из до – интернатской жизни, убивает их и уничтожает изнутри, зарождавая в детских сердцах злобу на окружающих. Ведь этим обездоленным кажется, что именно работники интерната лишают их общения с родителями. Так и Юра Буланов, просиживая часами у окна, искал способы борьбы с воспитателями, которые несли ему только добро, с обществом, виновным в его одиночестве, с милицией, которая нашла его в заброшенном доме, умирающего от голода и холода, и привезла в интернат. Он ненавидел все, что касалось системы детдома, надеясь, что за ним приедут и заберут домой. Хотя его «дом» – это не просыхающая от алкоголя мать, вечные пьянки, ссоры и грязь.



Однажды, в самый обыкновенный день, Юра сидел в радиокружке у своего стола и кропотливо что-то паял. Виктор Борисович обратился к нему и сказал, что подошла его очередь выходить в эфир. Юра встал, молча подошел к радиоаппарату и начал вслух называть незабываемую комбинацию нашего позывного от школы-интерната: «Роман-Борис-4-Иван-Игрек-Галина». Он был лучшим в секции и, когда он начал говорить в рубку передатчика, сразу становилось понятно – Юра определенно хочет выйти в эфир. Около двух минут он не мог ни с кем связаться. Обычно, если кто-то и выходил в эфир, то само общение было скучным, неинтересным и очень коротким. А этот настойчивый ребенок продолжал монотонно повторять в рубку позывной. Через несколько минут в эфир вышел мужчина. Нашу волну он поймал на далёком Севере. Из ребят никто этому не удивился, ведь такие разговоры в эфире мы слышали каждый день. Мужчина спросил: «Как тебя зовут?». Наш друг ответил: «Юра». Затем незнакомец спросил его фамилию, «Буланов», – ответил парень. В ответ мы услышали: «Я тоже Буланов». Все в комнате привстали от услышанного и посмотрели на Юрку, у которого уже слезились глаза. Мужчина начал расспрашивать мальчика, откуда он и почему оказался в интернате. Слово за словом, от вопроса к вопросу все в радио-комнате начинали понимать, что Юра нашел отца! Стояла полная тишина, а я увидел, как наш преподаватель, Виктор Борисович, чуть дыша, смотрел на Юрку. «Сынок, я приеду и заберу тебя к себе! Я приеду и заберу тебя домой навсегда!», – раздавался голос в рубке. А в ответ – не крик, а тихое слово «Папа». Эфир прекратился, все звуки смолкли. Никто из присутствующих не решался сказать и слова. Я почувствовал, как что-то теплое накатывается на мои глаза. Это были слёзы радости за друга. За тех, кто жил надеждой. За всех, кто не потерял веру. Все ребята не могли сдержать слёз и эмоций. Я быстро вышел из радио комнаты, чтобы другие ребята не видели моих слёз. Невозможно было поверить в то, что случилось, в то, что я слышал и видел. Уже через два месяца отец Юры приехал и забрал своего сына из интерната, а секция радиолюбителей стала такой популярной, что ребята не давали Виктору Борисовичу прохода с просьбами принять их в клуб. Этой секции уже давно нет в интернате,

но окна, из которых дети смотрели на дорогу и ждали своих родителей, и по сей день отражают страшную проблему нашего общества – СИРОТСТВО.

Пора безупречной веры

Это одна из историй о несчастном мальчике, чье зачатие не было желанным. С первой минуты жизни он уже был брошенным и одиноким, и попал в детский дом. После пережитого ему пришлось столкнуться с еще большими бедами в интернате. Он все ждал и ждал своих родителей. И мы часто видели его сидящим у окна... «Кардаха» – так, по-дружески, называли его в школе, а я и знать не мог, что его отец, который всю жизнь провел в тюрьмах, убил его мать. На личном опыте я прочувствовал, что тем детям, которые точно знают, что их родителей больше нет в живых, гораздо легче, чем тем, у кого эти «родители» есть. Ведь очень тяжело жить в надежде и ждать того, кто никогда не придет.

Кардаха был самым маленьким и щупленьким в своем классе. Ему никогда не давались учеба и спорт, а единственное, что он умел делать хорошо – это рисовать. Своим позитивом и рисунками этот мальчик нес свет туда, где его не было никогда. У Кардахи была одна особенность, которая забавляла всех в интернате, – огромные, торчащие уши. Он всегда был хорошим другом, никого не обижал, не дрался с другими ребятами, был очень веселым и отзывчивым. В школе-интернате, обретя много друзей, а своего воспитателя начав называть Мамой, он принял все то, что было вокруг, любил всех и дорожил близкими.

Однажды к нам в школу приехали священники из Москвы для того, чтобы набрать группу сирот для обучения при храме. Среди отобранных детей оказался и Кардаха. Мы с ребятами провожали эту группу в столицу России навсегда. Я никогда не видел его таким счастливым, как в тот день. Его улыбка на всю жизнь осталась в моей памяти. Тогда ему было двенадцать лет...

Окончив школу-интернат в 1993 году, я поступил в училище вместе с другими ребятами. О Кардахе мы почти ничего не знали, лишь доходили слухи, что детям, которых забрали в храм, живется очень хорошо. Все были уверены, что обратно уже никто не придет. Я был сильно удивлен, когда узнал, что моих друзей вернули из храма в интернат! До сих пор не понимаю, как можно было взять этих детей в семью, в церковь, а потом так жестоко выбросить на улицу. Как можно было дать и без того обездоленным мальчишкам Надежду и Веру, а потом так грязно отобрать все и избавиться от них?! Кардаха, которого знали веселым и счастливым, стал неузнаваемым. Ребята рассказывали о том, как настоятель храма активно использовал их для получения денег от московских бизнесменов. Эти дети хотели по-настоящему служить Богу и верили, что нашли свой путь и уже никогда не вернуться в интернат. Прошло еще два года, а за ним так никто и не приехал. А ведь Кардаха до последнего верил, что его снова заберут в храм. Очередная разрушительная потеря... Сначала он остался без родителей и долго не мог принять правила детдома, потом в интернате ему понадобились годы, чтобы назвать своего воспитателя Мамой. А теперь он полностью замкнулся в себе оттого, что был подло обманут и брошен. И самое страшное то, что бросили его те люди, которые никогда и никого не должны бросать по своим убеждениям.

Все повзрослели и у каждого появились свои заботы. Мы стали видеться редко. За несколько лет Кардаха совершенно изменился – он начал курить, много пить, судорожно нюхать клей. Его кожа побледнела, глаза налились кровью, и каждый раз при встрече мне казалось, что он вот-вот умрет. Этот парень, когда-то веселый и жизнерадостный, теперь стал раздражительным и злым. Он презирал и ненавидел всех вокруг. Невозможно было представить, что творилось у него в душе. В последний раз, когда я видел его, Кардаха был в таком состоянии, что прошел мимо и не узнал меня. Естественно, его выгнали из училища, выгнали из общежития, где он мог хотя бы ночевать. Подросток оказался на улице, совершенно одинокий и никому не нужный. И тут, как часто бывает в нашей теперешней жизни, появился «добрый дядя», которому было около пятидесяти лет. Весь город знал о том, что

этот человек очень любил молодых мальчиков. Он-то и приютил Кардаху, который, постоянно находясь под действием наркотиков, даже и не подозревал у кого живет.

Впервые в жизни мы с ребятами столкнулись с такой грязью. Некоторые до конца не понимали всей сложности ситуации и при встрече позволяли себе унижительные шутки. Никто не думал о последствиях этих унижений, хотя со слов Кардахи мы знали, что эта гнида всячески совращала его. Шантажируя и угрожая лишить жилья и еды, этот омерзительный человек пытался склонить ребенка к разврату. Я знал этого мальчишку много лет и был уверен, что он не сможет принять то, что происходило вокруг. Его детдомовская душа просто не могла вынести унижений и позора.

Что-то произошло... Никто, до сих пор, не знает подробностей. Представьте себе небольшую комнату, прелый запах старья, свисающие грязные обои, затертые ковры на деревянном, местами прогнившем полу... Через занавешенное тряпьем окно не проникает свет. Страшный дом, в котором нет места иконам. И среди этой мглы бледная фигура ребенка двигается к спящему извращенцу. Вот тонкие руки Кардахи впились в горло того, кто окончательно разрушил у него веру в людей. Этот изможденный и болезненный мальчишка отчаянно душит обидчика. Он действует с такой силой и жестокостью, как будто вся боль этого мира выходит через его руки. У взрослого и крепкого мужчины не было шансов на жизнь. Но ребенок не мог осознавать то, что убил человека.

Наутро Кардаху нашли в подвале, еле живого от «клея». В кратчайшие сроки было проведено следствие, никто и не попытался узнать настоящий мотив преступления. По мнению милиции, все было предельно просто – мальчик хотел купить наркотики, для этого он ограбил и убил. Уже «убийцей» он попал в тюрьму. В ее стенах есть такие вещи, которые никогда не запрещают. И одна из них – Библия. Это та самая книга, которую он любил и свято верил всему, что было в ней написано. Кардаха снова стал читать ее, сопоставляя дни его службы в храме с последними событиями своей жизни. Он сам не мог поверить в то, что нарушил главные заповеди, которые когда-то были для него священными. Раскайвшись в содеянном, он снова не увидел рядом никого, кто мог бы поддержать его и уберечь от беды. Чувство вины оказалось гораздо сильнее, чем желание жить.

Его не стало однажды ночью. Сокамерники нашли его повешенным. Не найдя выхода, Кардаха сам совершил над собой суд, положив конец всей этой истории. Но на самом деле, эта история началась не с него и закончилась не им. Таких искалеченных сиротских судеб – тысячи, а мы не замечаем их. По статистике, в современной России, Белоруссии и Украине более 70 % ребят – выходцев из интернатов, становятся преступниками. 60 % девочек попадают на улицу и начинают торговать собой, чтобы выжить. А каждый десятый ребенок, как и в нашей истории, заканчивает жизнь самоубийством. Я хочу, чтобы общество знало, через что проходят эти несчастные дети. Мы должны задуматься о том, что можно сделать для обездоленных и брошенных. Мне хочется, чтобы общество знало, что у этого парня было имя: Кардашин Юра, и что он – не безликое существо, какими люди привыкли считать ДЕТ-ДОМОВЦЕВ.



ВЕРА

Последнюю субботу каждого месяца у ворот интерната появлялась женщина, заведя которую детдомовские малыши начинали кричать: «Приехала мама Веры Ваниной!». Это была высокая статная женщина с темной кожей и худощавым лицом, с несколько удлинённым носом, всегда одетая сдержанно и опрятно. Сама Вера Ванина была точной копией своей матери, из-за чего часто страдала, выслушивая разные издевательства со стороны одноклассников. Как по мне, она просто была не такой, как все. У Веры, в точности как у ее мамы, были темно-каштановые волосы, которые они обе носили заплетёнными в косу. Мама Веры была неизменно вежлива и, здороваясь, говорила нам: «Здравствуйте, дети!». Приветствие для взрослых ограничивалось уважительным «Здравствуйте!», которое сопровождалось небольшим поклоном головы – точь-в-точь, как в фильмах про дворян. Дети, увидев эту женщину, начинали ехидно хихикать, тыча пальцами ей вслед. Она же продолжала идти к главному входу, не замечая этих насмешек, словно они не имели к ней никакого отношения.

Я никак не мог понять, чем она отличалась от всех тех матерей, которые навещали в интернате своих брошенных детей! Каждый раз, когда мама Веры приезжала в интернат, она несла в красной тряпичной сумке четыре килограммовые пачки соли. Да-да, той самой обыкновенной, «артемовской» соли, и кроме нее – ничего. Несла она эту соль всегда, словно в последний раз, стараясь не подавать виду, что ей тяжело, и каждую последнюю субботу месяца она заставляла хохотать взрослых и детей. При том, что никогда не отвечала на издевки и грубость, словно двигалась и жила в другом мире. Она никогда не приносила продукты или сладости, которых так ждали от мам другие дети. Однако Вера, узнав, что мама приехала, бросала все и стремглав неслась к ней навстречу. Вера бежала так стремительно, что ее глаза наливались слезами, и казалось, будто сам ветер несет ее на встречу с матерью. Выбежав на улицу, где всегда было много детей и преподавателей, Вера подбегала к матери и резко, опустив голову, останавливалась в метре от нее. Мать делала шаг навстречу дочери, нежно обнимала и целовала ее лоб. Вместе они садились на скамейку и разговаривали.

«Как же они похожи!» – думал я, наблюдая за ними. И как сильно именно эта мама не была похожа на других матерей! Руки матери не переставали гладить голову своей дочери. Тихо разговаривая, так, что даже в паре метров от них, из-за шума играющих детей, ничего нельзя было услышать, мама расплетала косу девочки и заплетала ее вновь. Конечно же, говорили они об учебе Веры и о ее поведении. Училась Вера неважно, а вот поведение ее было безупречным. Она никогда не была замечена в каких-либо нарушениях правил и негласных законов интерната. Узнав, что к Вере приехала мама, наш воспитатель Нина Фоминична, всегда выходила во двор и подходила к ним. Скорее всего, воспитателей во время посещений волновали не столько дети, сколько то, в каком состоянии находятся их родители. Мама Веры засыпала воспитательницу вопросами о том, как ведет себя и как учится ее дочь. Нина Фоминична, убедившись в очередной раз, что мама Веры не похожа на других родителей, разворачивалась и уходила со спокойной душой, повторив, какая Вера прилежная и послушная ученица. Но мама Веры, негромко окрикивала ее, вспомнив про «передачу», выгружала из сумки четыре пачки артемовской соли, которую Нина Фоминична отдавала нам, ребятам, с просьбой отнести все в столовую поварам. И именно эта соль, почему-то, смешила всех, без исключения, детей и воспитателей в интернате.

Маму Веры все считали сумасшедшей, и теперь уже очевидно, что доля правды в этом была. Но разве дело было в соли или смехе детей с учителями? Только повзрослев, я стал понимать, чем же мама Веры так сильно отличалась от остальных родителей, приезжавших к детям в школу-интернат.

Чаще всего эти родительские визиты проходили по одному сценарию. У ворот интерната появляется грязная, запущенная женщина, которая едва стоит на ногах. Идя по аллее к главному входу, она буквально «заводит» всех интернатовских собак, гавкая и хватая посетительницу за одежду, эта свора наших любимых псов, как будто, силится разорвать ее на несколько кусков, чувствуя, какое зло попало на территорию детдома. В руке она несет грязный пакет с протёртым рисунком. Зачастую, это происходит на Пасху, и в этом, повидавшем многое, пакете валяются обломки куличей, измятые яйца и множество конфет, которые все утро собирались на кладбище. Дно пакета покрыто осыпавшейся глазурью, которая тянется следом, высыпаясь из дыры, ненадолго отвлекая вечно голодных собак. Сын бежит к ней навстречу, крича, что к нему приехала мама, обнимает, берет за руку, не сводя глаз с содержимого пакета. Следом идет воспитатель, который, видя перед собой женщину в состоянии опьянения, пытается убедить ее, что нельзя при детях появляться в таком виде. Не забывает воспитатель сказать и о том дурном примере, который женщина подает своему ребенку. А остальные дети, которые, увы, давно привыкли к таким картинам, даже не обращают внимания на происходящее. И тут происходит самое страшное – ребенок, словно тигр, начинает буквально рычать на воспитателя. Парадоксально, но тот, кто учит, заботится, бережет, становится ненавистным врагом в присутствии той, которая бросила его, обрекая на жизнь в боли и мучениях. Он любит мать и плачет о ней. Так было и будет, независимо от того, какая это мать, даже если она убивает ребенка своей «любовью».

Что значит мать для ребенка? Это все! И так много лет подряд: Пасха, разбитые яйца, изломанные куличи и осыпавшаяся, рвущая душу глазурь. У отцов же, только менялась степень небритости и опьянения, да еще, пожалуй, пасхальные яйца меняли свою окраску.

С каждым годом все было хуже и хуже. Пока мальчишка ел, распахивая остатки по карманам, его отец, убедившись, что неподалеку никого нет, доставал початую бутылку водки и делал большой глоток, занюхивая волосами сына. Это же происходило и с матерями, единственное отличие было в том, что они постоянно плакали. Такой себе отработанный сценарий.

Мама Веры Ваниной была полной противоположностью всем тем родителям, которые появлялись у порога интерната. Я так и не научился отличать хорошую мать от плохой из-за лютой ненависти к ним. Но чем больше я смотрел на эту женщину, тем больше ненависть моя перерастала в жалость. А сейчас, когда мне встретились достойные люди, я живу надеждой, что мамы, которые до сих пор бросают своих детей, обрекая их на боль и страдания, опомнятся. По крайней мере, очень хочется верить в это! Я не называл тогда «мамой» ни одного учителя или воспитателя в детдоме, а потом и в интернате, хотя многие из них этого заслуживали. Только спустя много лет я назвал мамой своего воспитателя и гордился, что окончил школу, в которой были такие достойные преподаватели. И всегда гордился и горжусь, что обо мне заботились мои родные воспитатели. Они заменили мне и сотням других ребятшек самых близких людей. А что в это время делали наши матери и отцы – все прекрасно знают. Из года в год все повторялось, но все ребята истово любили тех, кто плевал на них. Каждому детдомовцу думалось и хотелось доказать остальным, что именно его родители особенные и не похожи на других.

Иногда эти истории выходили за пределы реальности. Например, Сема Моисеев, который учился в параллельном классе, рассказывал, что его отец был на войне, воевал, а сам Сема, сидя на широких отцовых плечах, бросал в немцев помидорами. И нужно было видеть, как горели его глаза, когда он пытался доказать правдивость рассказанных событий, такое чувство, что это все было смыслом его жизни. А вот мой одноклассник Сережа, вообще не знал своего отца, но доказывал нам, что папа был знаменитым милиционером, поймавшим множество бандитов. Горькая правда была в том, что отец Сергея был зеком, и к достижению Сергеем десятилетнего возраста, его отец имел за плечами восемнадцать лет «отсидки».

Думаю, он и до сих пор где-то отбывает заключение. Сын пошел по его стопам, и как разрубить этот гордиев узел, непонятно.

Лично я просто яростно ненавидел всех своих родных, считая их тварями и падалью, что, впрочем, было недалеко от правды. Меня раздражало все, что было связано с родителями. Однажды на медосмотре, просматривая свои документы, я заглянул в бумаги к своему другу и увидел, что его мать была лишена родительских прав за пьянство и содержание притона, из которого и забрали Романа. А ведь еще вчера перед сном он со слезами на глазах рассказывал, что его мать лучшая на свете, не пьет, а работает на шоколадной фабрике, а если я не буду ему верить, он никогда не поделится со мной вкусным шоколадом.

Боль чувствуешь постоянно, пока не повзрослеешь. Мысль о том, что ты на самом деле никому не нужен, делала из нас зверей, преступников, убийц и воров. Мы были нужны лишь друг другу или, увы, тем, кто хотел нас использовать. Но вот психика нарушена настолько, что слез больше нет! Некоторые мальчишки и девчонки теряли свой путь, убивая себя наркотиками и алкоголем уже в тринадцать-четырнадцать лет. Некоторые, на самом деле, теряли рассудок, и было страшно наблюдать за тем, что видел я в свои тринадцать.

Однажды, сидя в лагерьной беседке, парнишка по прозвищу «Зарик» решил рассказать свою историю. Улыбаясь под «бомбой», (так назывался специальное наркоманское варево), он рассказал об одном своем побеге из интерната. Когда Зарик попал в свой город и подошел к дому, то увидел, что дверь открыта. Зайдя через веранду, он отчетливо видел, как какой-то пьяный грязный мужик с приспущенными штанами «рвал» его мать. Такое же животное, как и он сам. «Справившись», он встал и, держась за стену, вышел на улицу и сразу опорожнил свой мочевого пузырь. Мальчишку он не заметил. Мать продолжала лежать, неловко барахтаясь и закатив глаза на закопченный потолок. Не знаю, что должно было происходить в голове у этого мальчишки, чтобы он закрыл дверь на огромный погнутый крюк, приспустил штаны и лег на свою родную мать.

Во время рассказа его глаза налились кровью и раздался страшный смех. Все замерли... Я не мог поверить в то, что услышал. Поняв, что рассказал нам свою страшную тайну, он замолчал и резко опустил голову. Я попытался перевести разговор на другую тему, и мы стали обсуждать предстоящий футбольный матч с командой вожатых.

Такие вот матери и отцы, которыми мы, детдомовские, гордились, верили в них и беззаветно любили. С чем можно сравнить то тепло, которое может дать мать своему ребенку? Без этого тепла мы – трупы, живые трупы. Мне быстро пришлось понять, что моя настоящая мать – это та, которая воспитывает, поддерживает, учит, читает на ночь мудрые книги, а главное, всей душой переживает обо мне. Я понял, что мой отец – это тот воспитатель, который заставляет меня учиться, играет со мной в футбол, ходит на рыбалку и искренне верит, что из интерната я, как и остальные ребята, выйду человеком, который никогда не повторит судьбу своих родителей.

Жаль только, что понятие Бога, во время моей учебы в интернате, было исключительно на уроке религиоведения, где красный от крови галстук был выше вековых традиций наших отцов и дедов. Это был тот предмет, который уводил нас от встречи с Господом Богом, превращая веру в идеологию, перечеркивая все святое и светлое, что может быть в мире. Не все пришли к этому, но я убежден, что любой ребенок должен расти в верующей семье. Именно поэтому мама Веры Ваниной так смешила нас, одновременно вызывая ненависть и раздражение. Она была настоящей матерью, совершенно не похожей на тех «матерей», которые приходили к остальным детям.

Не имея возможности из-за полученной травмы и дальше самостоятельно воспитывать дочь, она продолжала любить и заботиться о ней. Государство забрало ребенка, отправив в интернат, но мать не потеряла веры и не опустила рук. Да, это была та самая мать, о которой

мечтает каждый детдомовский ребенок. Поэтому мы и ненавидели Веру из-за своей глупой детской зависти. Как много смысла в этом имени и как мало ВЕРЫ было тогда в нас!

Посвящается моим Родителям: Каплунову С.В. Подтярбе П.В. Гвоздецкой А.Т.



Ваня Луковка

Ваня Луковка – его как будто и не было в этом мире, в этой жизни. В нашей жизни... Каждый раз, когда мы с интернатовскими, при встрече вспоминаем школу и ребят, которые с нами учились, то этого белобрысого мальчика никто не помнит. Его, парня с добрым веснушчатым лицом, чуть вздернутым носиком, как и не существовало!

Ванька попал в интернат в возрасте десяти лет. Его отец, как и у многих детдомовских ребят, отбывал наказание в исправительной колонии, и каждый раз, после очередного освобождения, видя родного сына, говорил: «Какой ты, Ванька, у меня большой!» – и не проходило месяца, как он снова возвращался в тюрьму. Мать Вани, как и у тысяч интернатовских детей, была лишена родительских прав за жестокое обращение с ребенком, за систематические запои, аморальное поведение. Только повзрослев, я стал задумываться о том, что делают родители сотен тысяч детей в то время, как их чада сталкиваются с одиночеством, страхом и болью, – ведь именно эти чувства они испытывают, попадая в такие спец учреждения, как детдома и интернаты.

Помню тот день, когда Ваньку привезли в нашу школу и познакомили с классом, с ребятами, с которыми ему предстояло жить. Помню его – грязного, неопрятного, с заплаканным лицом, стоящего в коридоре у окна во время школьной перемены. Вокруг него кто-то играл в «трусилки» с монетами, кто-то носился взад и вперед, а большинство детей стояли и смеялись над ним. Тогда еще проскочила мысль о том, что Ване всегда будет трудно в интернате. Его слезы, плач, переходящий в истерику, очень быстро начали раздражать и ребят, и преподавателей. Слабых в этой системе не терпят. Начались унижения, избиения. Старшие ребята заставляли Ваню стирать чужие носки и выдумывали всякие издевательства, которые с каждым разом становились все чаще и извращенней, и никто не мог его спасти: пожаловаться – означало сделать свою жизнь в интернате абсолютно невыносимой.

Каждый вечер, после отбоя, из того крыла, где жил Ваня, то и дело доносился плач, крики боли и жестокий смех детей. Ранним утром и поздним вечером он боялся заходить в туалет, потому что именно в это время там собирались старшие ребята, и попадаться им на глаза было нежелательно. У запуганного ребенка отбирали еду, постоянно наказывали. Тряпкой без швабры, беззащитный Ваня вымывал каждый день целый этаж школьного или спального корпуса, а по ночам я видел его в уборной, стирающим свои вещи. Можно лишь догадываться, что чувствовал одинокий ребенок, прогибаясь под жестокой иерархией интерната. Детскому сердцу было тяжело принимать такие правила жизни. Ваня, словно ежик, фыркая и щетинясь, прятался от детей и воспитателей. Да, он научился стирать, научился заправлять постель, убирать за собой, но мальчик никак не мог привыкнуть к издевательствам, избиениям и полному отсутствию поддержки со стороны преподавателей.

Однажды, в столовой воспитатель била Ваньку при всех ребятах. Таким способом она пыталась научить его правильно вытирать стол. Мальчик, конечно, расплакался и крикнул, что он не хочет жить в интернате, что хочет к маме. В столовой на мгновение наступила полная тишина. Воспитатель, преподаватель и, в первую очередь, женщина крикнула ему в ответ: «У тебя нет мамы! Твоя мать – алкоголичка, и ты никому не нужен, поэтому ты и в интернате!» Эти слова заделали всех детей в столовой. Не каждому ребенку сироте можно было сказать такое, а порой это было даже опасно. Но этот беззащитный мальчишка промолчал, а его крик и плач сменились на стоны, полные отчаяния. Утирая слезы, он глазами искал того, кто мог бы за него заступиться, но таких не оказалось ни среди учеников, ни среди преподавателей...

А в это самое время в доме, где родился Ванька, уже давно существовал притон. Всего в ста километрах от сына, мать, не просыхающая от алкоголя, смеялась, шутила и радова-

лась своей никчемной жизни. Ни на миг, не вспомнив о сыне, все пила и пила. При этом, любимая Ваней мама и не подозревала, что просто убивает ребенка, ибо она – его жизнь, счастье и вера. И мальчик не переставал молиться за нее. Людям, как правило, трудно представить себе то, чего они не чувствовали и с чем не сталкивались. Поэтому, мало кто знает, что происходит в стенах детских домов, а особенно интернатов. Дети, которые попадают в такие заведения, остаются одни, и для них очень важно, кто будет рядом, кто из взрослых сможет поддержать и подарить тепло. Воспитатели и преподаватели – это те самые люди, среди них очень много искренних и добрых профессионалов. Но, к сожалению, с детьми годами работают и обозленные, ненавидящие их «наставники», калечащие детские жизни. И как часто руководство учебно-воспитательных учреждений делает вид, что не замечает насилия и жестокости...

Вот и маленький Ваня все плакал и плакал, не находя ни поддержки, ни тепла. Казалось, что издевательствам и мукам не будет конца. Когда я проходил мимо этого несчастного мальчика, он лишь на миг поднимал свои постоянно опущенные глаза и вновь замыкался в себе. От этого взгляда мне становилось стыдно, ведь он говорил только об одном: «ты такой же, как и все, ты не поможешь мне, ты – трус». Я как будто понимал его мысли, и на мои глаза наворачивались слезы.

Важно сказать, что всем детям было тяжело в интернате, ведь у каждого была своя особенная – непростая, а часто даже трагическая история. Ребята, которые избивали его, возможно, «гасили», таким образом, свою собственную боль. Ване было сложнее других: жизнью его мамы был пьяный угар, но в свои десять лет этот добрый, смысленный мальчик не мог принять и понять тот факт, что он ей просто не нужен. Через несколько месяцев Ваниной жизни в интернате я заметил в нем перемену. Как и прежде, его унижали, били, но теперь он каждый раз пытался постоять за себя, дать сдачи. К сожалению, ребята были значительно сильнее Вани, поэтому все заканчивалось, как всегда, его слезами.

Как-то вечером я дежурил в школьном корпусе. Убирая класс, вдруг услышал смех нескольких ребят, который быстро сменился на громкий хохот. Затем донесся одинокий крик и плач, после чего понял – опять издеваются над Ваней. Не помню, о чем думал, но в полной решимости взяв швабру, пошел на крики. Мне открылась такая картина: Ваня, очевидно, вырвался из рук обидчиков и успел добежать до конца коридора, но там его настигли двое старшеклассников. Теперь он лежал в темноте и с криками отбивался руками и ногами. Когда я подбежал, Ванины мучители, не поняв, что случилось, остановились. Мне сложно описать то, что происходило дальше, но на следующий день вся школа говорила о том, что ученик седьмого класса зверски избил шваброй двоих девятиклассников. Конечно, я не рассказывал преподавателям всю правду о драке, поэтому был наказан. Нужно сказать, что в тот вечер после драки я протянул ему руку, которую он неумело пожал, слегка касаясь своими пальцами, и мы вместе пошли в спальный корпус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.